

Литературный альманах

Понедельник

Коллектив авторов
Понедельник. Израиль 2017

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Понедельник. Израиль 2017 / Коллектив авторов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837437-1

Первый выпуск альманаха, который собрал под одной обложкой публикации членов литературной студии «Понедельник» (Израиль). Руководитель студии — Н. Терликова, писатель и журналист. В альманах вошли стихи и проза как известных, так и начинающих авторов. Среди авторов альманаха — И. Хентов, В. Симкина, Т. Турбина, Р. Бержански, Н. Терликова и другие.

ISBN 978-5-44-837437-1

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Илья Аснин, Мицпе-Рамон	7
Главы из книги «Это было недавно, это было давно»	8
«Эх, дороги, пыль да туман»	10
Курган над городом стоит	12
Иерусалим	13
Хива	14
Прощание славянки	15
Карпаты	16
Ленинград – Ладога	17
Жене	18
Друзьям	19
Братьям	20
Раиса Бержански, Арад	21
Готов сгореть	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Понедельник Израиль 2017

Редактор Наталья Терликова

ISBN 978-5-4483-7437-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Дорогой читатель!

Перед Вами – первый выпуск альманаха литературной студии «Понедельник». «Понедельник» родился в одну из осенних суббот прошлого (2016) года, при поддержке книжного издательства Хелен Лимоновой и в рамках проекта Центра литературы и творчества.

Студия объединила людей разных профессий и возрастов из разных городов Израиля – всех тех, кому не мила жизнь без литературы.

В этом выпуске альманаха представлены произведения уже известных авторов, а также тех, кто публикуется впервые.

Желаем Вам приятного чтения!

Н. Терликова, руководитель студии «Понедельник»

Илья Аснин, Мицпе-Рамон

Илья Аснин

Нашему поколению выпало жить в трудное, но интересное время. Я далеко не молодой человек, повидал на своём веку немало.

Родился 22 июня 1930 года в небольшом Российском городе Клинцы. А затем был 41-ый – война. Учёба в Московском вузе и романтика 50-х, когда молодёжь отправлялась осваивать Далёкую Сибирь. Следуя их примеру, оказался в Ангарской тайге на стройке химического комбината, потом вместе с семьёй прожил тридцать три года в Риге. И вот уже более двадцати лет на Земле Обетованной.

Работа конструктора и творчество изобретателя научили меня из набора деталей и узлов создавать новые машины и механизмы. И также я стал конструировать свои незамысловатые стихи.

В этом альманахе представляю читателю стихотворения разных лет, а также отрывок из книги воспоминаний «Это было недавно, это было давно».

Поскольку не являюсь профессиональным писателем, прошу не судить слишком строго.

Главы из книги «Это было недавно, это было давно»

*«Вставай, страна огромная.
Вставай на смертный бой»*

Воскресенье 22 июня 1941 года день рождения. Мама стояла у печки, собираясь, печь пирог. Вдруг, висящая на стене чёрная тарелка радио, голосом Левитана, объявила: сейчас, с важным сообщением выступит Молотов. Это была война, которая почти восемь часов, уже полыхала на всём протяжении западной границы нашей страны. Внезапно солнечный июньский день помрачнел, Всё, люди, природа как-то съёжились, стали меньше. Первую воздушную тревогу, по ошибке, объявили химической, что привело к невообразимой панике. Во дворах начали рыть щели. Пошли бомбёжки. Фронт стремительно приближался к городу. Появились первые беженцы. Они с ужасом рассказывали о том, что творят немецкие лётчики, буквально гоняясь за каждым человеком. Впоследствии мы всё это испытали на себе. С каждым днём обстановка становилась всё тревожней. Особенно врезалась в память одна ночь. С вечера полил дождь, разразилась гроза, потом налетели юнкерсы, у мамы, от всего этого, началась истерика. В это время у нас была соседка с мужем, Он начал успокаивать маму и сказал ей пророческие слова: «Нина, мы ещё будем в Берлине» Он оказался прав.

Август 1968 года.

Сию в палатке, в двадцати километрах от Берлина, пишу родным письмо, в котором сообщаю, что жив и здоров. Нахожусь недалеко от того места, о котором в ту страшную ночь 1941 года, так пророчески говорил наш сосед. Это были августовские события 1968 года. Часть, в которую я был призван, как офицер запаса, двинулась в Чехословакию на подавления восстания. Нам не разрешали в письмах указывать, где мы находимся. И только благодаря событиям той ночи, мои родные догадались, где я. Но вернёмся, к осени 41 года. Всё ближе к нашим местам приближался фронт, всё чаще объявлялись тревоги. Пустел город. В семьях шли споры, уезжать или не уезжать. Помню, как наша тётя рассказывала о немцах, которые стояли в её городке в гражданскую войну. Она с похвалой говорила об их отношении к мирному населению и к евреям. Что они за всё платили. Были вежливы и отличались высокой культурой. Только после Освенцима и Дахау мир узнал, какими были немцы, воспитанные Гитлером. К великому сожалению 6 миллионов евреев об этом уже никогда не расскажут. Среди этих 6 миллионов было достаточно много таких, которые думали, что немцы их не тронут. В результате они приняли мученическую смерть. Возвращаясь к тем дням, трижды кланяюсь памяти нашего дяди. Не вдаваясь в долгие споры, он поехал в деревню, купил коня. Когда немцы подходили к Клинцам, запряг его в телегу и повёз нас по дорогам России и Украины, спасая от них. До сих пор не могу представить, как человек, без знания географии, без карты, сумел спасти наш еврейский табор. Он был глубоко верующий человек, и видимо бог, ему помог. Не лёгким был наш путь. Шли пешком, стояла небывалая жара. Вокруг горели поля с неубранными посевами. Пыльные дороги забитые отступающими войсками, толпами беженцев. Мессеры охотящиеся за человеком.

Это случилось в одном из сёл. Наша телега застряла в грязи посреди улицы, по которой сплошным потоком шли отступающие войска, танки, артиллерия, пехота. Телега мешала этому потоку. В такой обстановке, нас могли легко раздавить. Но мы остались живы, с благодарностью вспоминая тех, которые в невероятных условиях войны оставались людьми. Была ещё одна ночь, когда после кратковременной стоянки, быстро снявшись, пошли дальше. Вдруг услышали крик, бегущего за нами красноармейца. Он подбежал и сказал: «В лесу спит на пеньке старушка. Не ваша ли»? В спешке, в темноте не заметили отсутствия нашей бабушки. Так, оставшийся неизвестным, человек, спас бабушку. И ещё, на одной из стоянок, подошёл маль-

чик лет четырнадцати и рассказал, что когда пас лошадь, началась бомбёжка. В суматохе потерял родителей. Выяснилось, он наш земляк. Попросился взять его с собой. И вот, как бывает в жизни. Прошло много дней, мы исколесили Украину и Россию – пешком и на поезде. Мальчик за всё это время не выходил из вагона. Но однажды в районе Саратова попросился взять его на вокзал и при подходе к нему, встретил своих родителей. В 1945 году вернулся с фронта. Окончил институт, впоследствии стал начальником крупного треста. Прошло много лет, в Риге я познакомился с одним интересным человеком. Наряду с работой он занимался литературным творчеством. У меня до сих пор хранится подаренная им книжка со своеобразным названием: «И всюду человек».

Как не вспомнить всех тех, кто в те страшные дни оставался человеком.

Низкий поклон им за это.

«Эх, дороги, пыль да туман»

В небольшом лесочке, недалеко от речки с перекинутым через неё деревянным мостом, расположился на отдых наш табор. Был жаркий день. Отпросившись у родителей, побежали искупаться. Только залезли в воду, как налетели мессеры и на бреющем полете стали расстреливать идущие по дороге войска. Мы спрятались в растущей, по берегам крапиве, от страха даже не почувствовав её жгучие объятия. В каком-то трансе, я вскочил и побежал в лесок. Хорошо помню, как пули, со странным чмоканьем впивались в песок. Но, что-то хранило меня и ни одна из них не задела. В лесу творилось столпотворение. Люди ползали от дерева к дереву, и всё это сопровождалось воплями и плачем. Позднее нам сказали, что мы родились в сорочке. Надо было перейти мост и там остановиться. И только то, что немцы его не разбомбили, спасло нас от гибели. А затем была ночь под городом Глухов. В ночном небе гудели немецкие самолёты, мой братик Гриша, видимо от испуга, затребовал свежий огурец. Причём это, не ко времени, требование сопровождалось громким плачем. Только через много лет, мама призналась в том, что готова была задушить Гришу. Ей казалось, что на его крик летят бомбы. Наконец добрались до станции Глухов, где нас посадили в поезд с беженцами. Вагоны этого, с позволения сказать поезда, предназначались для перевозки угля. Они были без крыши. Вот так, под открытым небом, в жару и дождь, под обстрелами и бомбёжкой исколесили юг России. И, наконец, оказались на станции Нахой, в Немповолжье. Изголодавшиеся за долгие дни скитаний, мы были потрясены необычной картиной. На тендере паровоза, стоял измазанный в угле машинист. В одной руке он держал огромный ломоть белого хлеба, а в другой кусок арбуза, это всё казалось каким-то сном. Он закончился так же необычно. Нам выдали мешок белого хлеба и несколько больших арбузов, после того, что пришлось испытать, это был настоящий пир. Затем отвезли в село Розенфельд и расселили по домам. Во дворе нашего дома бродила корова с громадным выменем, бегали куры и гуси. Чердак был забит пшеницей. Видимо хозяев вывезли внезапно, на столе стоял ещё тёплый кофе. Оказалось, по приказу Сталина, немцев, заселявших эти земли со времён Екатерины, в одну ночь посадили в эшелоны и вывезли в Казахстан и другие отдалённые районы страны. Мы были голодны, мама поймала курицу и попыталась её зарезать. В это время, во двор, вошли какие-то военные. Испугавшись, она забросила недорезанную курицу в печку. Когда они зашли в дом, в печке раздался крик курицы. Эффект был потрясающий. Правда, нам ничего не сделали, но страху натерпелись. Утром всех взрослых поставили доить коров, чтобы у них не перегорело молоко. Это было незабываемое зрелище. Коров доили прямо на землю. Почему на землю? Просто не было во что доить. Вот такие были времена.

Потянулись годы эвакуации. Всякое пришлось испытать. И голод, и холод, и боязнь снова оказаться под страхом оккупации. Ведь совсем недалеко был Сталинград. Бомбили Саратов. Наконец наступил перелом под Сталинградом, который стал началом конца войны. Второе мая 1945 года, сидим под стенами Киевского вокзала, в ожидании поезда на Клинцы. Вдруг Москва озарилась разрывами ракет, раздалась стрельба из автоматов, пистолетов. Оказалось, Левитан сообщил о взятии Берлина. На завтра приехали в Клинцы. Девятого мая наступил мир, стали возвращаться демобилизованные. Среди наших родных было много фронтовиков. Мои двоюродные братья: Миша Белкин, Володя Хайкин, Моисей Серпик, Осип Хайкин. Гудкович Миша прошёл от Сталинграда до Кёнигсберга. Володя был тяжело ранен. Лётчик Осип в начале войны был сбит в районе Смоленска, через много лет его останки и самолёт случайно обнаружили в озере. Моисей погиб в начале войны. Миша Белкин, высокий, черноусый красавец, похожий на известного актёра, Зельдина, некоторое время, после войны, жил и работал у нас. Он очаровал всех девушек с нашей улицы. Но было и другое. Однажды, мы ребятишки, сидели на улице. Мимо нас прошло несколько демобилизованных. Один из них, видимо тан-

кист, с лицом в рубцах от ожогов, с иконостасом орденов и медалей, громко произнёс: «Пойдём к жидовочкам». Среди фронтовиков было много исковерканных физически и морально людей. Им было трудно, после долгих лет войны, вернуться к мирной жизни. После войны в школах было введено раздельное обучение. В мужских школах проводились уроки военной подготовки. Вели эти занятия бывшие фронтовики.

Нашего военрука мы почему-то сразу невзлюбили.

Однажды, нас послали в колхоз на уборку картофеля. Руководителем поехал вышеупомянутый военрук. Как-то утром, я вышел из сарая, где мы ночевали, и увидел его. Он стоял голый по пояс и умывался. Но не это меня потрясло. Я увидел на его теле страшный след от ранения. С одной стороны у него не было рёбер, вместо них был затянутый кожей бок. Видимо он это старался скрывать, потому что быстро надел рубашку и ушёл. Конечно, обо всём увиденном я рассказал, и наше отношение к нему резко изменилось. А ещё больше мы прониклись к нему уважением, когда на одном из школьных вечеров он появился в кителе, сплошь увешанном орденами и медалями. И ещё один эпизод, о котором нельзя не рассказать. Прошло много лет с окончания войны, я сидел в зале ожидания Гомельского вокзала. Внезапно в зал вошли два милиционера, они буквально тащили какого-то пьяного мужчину. Похоже, это был бомж. И тут я был просто потрясён: На его грязном, будто изжеванном пиджаке, висела большая колодка орденов, а над нею золотая звезда героя Советского Союза. Кто он был, почему дошёл до такого состояния, осталось загадкой, но до сих пор эту сцену забыть не могу. Через нашу станцию проходило множество эшелонов с солдатами и офицерами. Было радостно смотреть на разукрашенные поезда, на весёлых, радующихся, победителей. Невольно, вспоминались дороги осени 1941 года. Мрачные, запылённые, бредущие под жарким солнцем, толпы отступающей армии, повозки с ранеными. Каким же сильным по духу должен был быть наш народ? Каким, не смотря на колоссальные ошибки, должно было быть руководство страны и армии, чтобы остановить немцев под Москвой, а затем нанести им такой удар, который заложил первый кирпич в грядущую победу.

Курган над городом стоит

Засеян он осколками снарядов.
Его наряд – бетонный монолит.
И лучше не придумаешь наряда.
Ступени бесконечно вверх ведут.
Склонил знамена пантеона зал.
И две стены, как каменный редут.
И голос Левитана, как металл.
Спят на кургане храбрецы.
Защитники страны и Сталинграда.
Спят рядом братья деды и отцы
И лучшей чести им не надо.
Деревья ветвями шумят.
Покой их вечный охраняют.
И пусть они спокойно спят.
И пусть земля войны не знает.

Иерусалим

Покой и мир Иерусалиму
Господь веками не давал.
Был бит врагом лежал в руинах.
Но вновь из пепла восставал.
Врагами храм не раз разрушен.
Народ мученье принимал.
А он был горд и не послушен,
И на колени не вставал.
Он есть един во многих лицах.
И Божество, и белый свет,
Израиля единая столица.
Ему альтернативы нет.
Так, что к его прибавишь славе.
Коль этой славе сотни лет.
Он камень в дорогой оправе.
Цены такому камню нет.

Хива

Но всех затмила красотой Хива.
Колона минарета как свеча.
Пригрезилась фигура палача.
Ворота в изразцах алеют.
Сверкает купол мавзолея.
И словно юная княжна.
Блестит нарядом чайхана.
Красив и сувенирный ряд.
В нём покупают всё подряд.
А сказка продолжала чаровать.
И как её не продолжать.
Ковровый зал из камня чудо.
Владыки трон творений гряда.
И словно в сказочной красе.
Вдруг возникает медресе.
Смеркалось, мягкая прохлада.
Сменила уж полдневный зной.
Ворот восточных колоннадой
Вдруг попадаем в мир иной.
Чеканят в лавках кувшины.
Ишак влечет арбу в проулке.
Взлетают к небу синие дымы.
Пекут лепешки в закоулке.
Темнело, тени удлинялись.
На землю опускалась мгла.
Надолго в памяти осталась.
Легенда в камне – древняя Хива.
Нас молодость бросала как батут,
От Арктики и до вершин Кавказа.

Прощание славянки

Идём на север, зеленея.
Стоит округ дремучая тайга.
Туман ушел и в водах Енисея.
Любуются собою облака.
Еще кому-то семафорят руки.
Вдаль отодвинулся причал.
И марша старого чарующие звуки.
Вдруг тишину сразили наповал.
И долго-долго будут сниться.
До самой до последней той поры.
Как севера листали мы страницы.
Как в тундре нас съедали комары.
Как в ледяном, безмолвном мире.
У шарика на самой высоте.
Слагали песни о Таймыре,
О теплой, об одесской стороне.
Как море Карское качало
Как Диксон про морзянку напевал.
И то, как у последнего причала.
Нам старый марш славянку напевал.

Карпаты

Туман над полонинами встает,
Лебяжьем пухом горы устилает.
В тумане стадо медленно бредет.
Так новый день в Карпатах наступает.
Палатки прилепились на лужайке.
Округ деревьев, молчаливый хор.
Звенит ручей извечной балалайкой
Играет солнце на вершинах гор.
Стучат призывно повара.
На завтрак всех, к костру сзывая.
Не хитрая туристская еда.
Да кружка с дымным и горячим чаем.
Палатки собраны, надеты рюкзаки.
Тропа змеей вползает в горы.
И пусть они не так уж высоки.
И них видны бескрайние просторы.
И целый день, сгибаясь на ходу.
Идём, идём привала ожидая,
А мысль одна: «Дойду ли, не дойду»?
Да и зачем мне жизнь такая?
Скорей бы кончить трудный путь.
После дорог, немного поостынув
Глоток воды из родника хлебнуть.
И распрямить натруженную спину.
Кончает солнце путь по небосводу.
Седой туман спускается с вершин.
Трембиты где-то раздаются стоны.
Стада овец уходят с полонин.
Горит костер, тьму ночи разгоняя.
Туристы вокруг, гитарный перезвон.
И песнь летит, усталости не зная,
И сердце вторит песне в унисон.
На черном небе звездная роса.
Прощальной песни отголосок тает.
Дымит костёр, слипаются глаза.
В Карпатах ночь в свои права вступает.

Ленинград – Ладога

За горизонт уходит Ленинград
У невских вод разливы широки.
Природа, как на сказочный парад.
Своих красот расставила полки.
Поляны, топи, древние леса.
Реки могучей вечное течение.
Озера, что глядятся в небеса.
И ветра шум и птичье пенье.
На Ладоге ленивая волна.
Белея туча, виснет над водой.
Вот – вот прольется слезами она.
След от винтов, как парус за кормой.
А ведь, недавно вьюга злилась.
Все стыло в снежном одеянье.
Ночами часто лето снилось.
Душа томилась в ожиданье.
Промчались, дни как стайкою стрижи.
Качают волны белый теплоход.
И вот уж из воды встают Кижы.
Украшив древней вязью небосвод.
Как страж бескрайнего простора.
Как парусник, бегущий по волнам,
Как богатырь, как крепость как опора.
Идет на встречу остров Валаам.
Сосновый бор и древние скиты.
Заросший пруд, забытый храм.
Художников великие холсты.
Прославили на веки Валаам.
Устало дышит старый теплоход.
Команды с мостика звучат.
И вновь, на фоне невских вод.
из дымки возникает Ленинград.

Жене

Для женщины не так уж много надо,
Ее лишь только лаской обогрей,
Нет для нее приятнее награды,
Когда она от любящих людей.
Как красят женщину наряды,
С оправою сверкающих камней.
Что может быть приятнее награды,
Когда она от любящих людей.
Для женщины не так уж много надо.
Любовь семья и никаких затей,
И для нее великая награда,
Улыбки видеть на лице детей.
О, женщина, Будь хороша собою.
Купайся в красоте своей.
И чтобы, долго не было отбоя.
Тебе от нас, от любящих людей.
О женщине не судят по годам.
Пред нею даже время отступает.
И осень та, что ходит по пятам,
Её своим дыханьем не пугает.
Вот так и ты нисколько не стареешь.
Пусть и тебе давно не двадцать – нет.
И о весне, ушедшей, не жалеешь.
И не жалеешь пролетевших лет.
С годами лишь становишься мудрее
И выдержки тебе не занимать.
И нет на свете никого роднее.
Жена, подруга, любящая мать.
Пусть о тебе не судят по годам.
Да будут многие рассветы.
И много лет, на смену холодам.
В наш дом с теплом приходит лето.

Друзьям

Нам Бог дает, иль не дает родных.
Друзей не боги, сами выбрали.
Одни далече, нет уже иных.
Да и с живыми встретимся едва ли.
Друзья нам заменяли отчий дом.
Делили зной и злую стужу.
Где вы теперь на шаре, на земном.
Откликнитесь, согрейте наши души.
Знакомые до слез, до мелочей,
Стоят дома, раскрыв окон глазницы.
За ними нет давно уже друзей,
За ними лишь одни чужие лица.
О, как ты, жизнь, превратностей полна.
Хоть лоб разбей, тебя не разгадаешь.
Ты словно шалая незрячая волна,
Людскими судьбами, что камнями играешь.
И мыслям нет от этого покоя,
Кружатся всё, да лупят по мозгам.
Как можешь ты выбрасывать такое.
Делить друзей – на «здешних» и на «там».

Братьям

Ну, что тебе сказать, мой брат.
Ведь мы, увы, не виноваты.
Что годы пулями летят.
И всё чувствительней утраты.
За далью лет припомни детство.
Родимый дом, объятый садом.
Войны кровавое соседство.
И всех родных, что были рядом.
Ещё припомни о былом.
Как мы птенцами разлетались.
И уж конечно, как потом.
В свои пенаты возвращались.
И город над рекой Невой.
Ночей его очарованье.
Проспектов, площадей покой.
Любовь и первое свиданье.
Ну, что тебе сказать, мой брат.
Вгрызайся в жизнь весомо, зримо.
А годы, путь себе летят.
Как пули, пролетая мимо.
Годы, как лыжи скользят.
Сколько уже за спиной.
В жизни немало преград.
Много их взято тобой.
Сколько добра, ты свершил.
Многим наставником стал.
Дружбу мужскую хранил.
Лёгких путей не искал.
Да, не угаснет твой пыл.
Времени тебя не унять.
Горы не все покорил.
Есть ещё, что покорять.
Помни сосновый наш край.
Помни отцовский порог.
Связи времен не теряй,
К дому ведущих дорог.

Раиса Бержански, Арад

Раиса Бержански

Родилась в Москве в 1938 году. После школы замахнулась на МГУ им. М. В. Ломоносова и взлетела на семнадцатый этаж Географического факультета. После окончания университета «загремела» на Колыму по собственному желанию. Работала инженером – гидрологом на Колымской стоковой станции. Затем в Институте физико-технических проблем энергетики АН Литвы, защитила докторскую диссертацию.

С 2000 года живу в Израиле.

Стихи и рассказы начала писать недавно, неожиданно для себя. Мои произведения опубликованы в газете «Секрет» (г. Бат Ям), альманахе «Надежды маленький оркестрик» (г. Петах Тиква), альманахе «Строка» (г. Арад).

В 2010 году вышел в свет сборник «Жизнь, я люблю тебя!».

В 2012 г. – сборник «Ясные дали».

В 2016 г. в Издательском доме Хелен Лимоновой (г. Тель-Авив) вышла в свет электронная книга «Откровение».

Готов сгореть

Я – стол в квартире полуразрушенного дома на Петроградской стороне. Второй год войны. Рядом со мной на железной кровати вот уже третий день безучастно лежит, завернутый, во что только можно, ребёнок. Он замерзает. Он с большим трудом открывает глаза на просьбу матери скушать кусочек хлеба. Её сейчас нет дома – она ещё утром опять ушла за хлебом. С улицы доносятся выстрелы и взрывы. Дрожат стёкла в оконной раме. С потолка на нас сыпется штукатурка и я в страхе, что вот-вот обрушится потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.